

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

◎ RIENTALIA

唐律疏議

Российская Академия наук
Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

**УГОЛОВНЫЕ
УСТАНОВЛЕНИЯ ТАН
С РАЗЪЯСНЕНИЯМИ
(«ТАН ЛЮЙ ШУ И»)**

Цзюани 26—30

Перевод
и комментарий
В. М. Рыбакова

Санкт-Петербург
2008

**ББК Х2(5Кит)4
УДК 343.2/7(094.4)**

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 07-01-16014д)*

*Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского филиала
Института востоковедения РАН*

蔣經國國際學術交流基金會支持

Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан лью и»). Цзюани 26—30. Пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. — 416 с. (Orientalia).

Четвертый том китайского уголовного Кодекса династии Тан, знаменитого «Тан лью и», завершает многолетнюю работу по переводу и изданию в России этого колоссального памятника средневековой китайской правовой мысли. Раздел «Разнородные уголовные установления» состоит из тематически разнохарактерных статей: здесь и правонарушения на рынках, и незаконные половые связи. Раздел «Задержания и побеги» посвящен побегам с места прописки или службы, а также преследованию и аресту преступников. Раздел «Судопроизводство и тюремное содержание» предусматривает наказания за правонарушения в сфере судопроизводства и отправления наказаний.

В приложение к тому включена подборка наиболее значимых статей В. М. Рыбакова, посвященных различным аспектам танского уголовного права.

The forth volume of Russian translation of the famous Chinese criminal code of the T'ang dynasty "T'ang lü shu yi" includes translations of the last three sections of the Code. The section "Miscellaneous articles" really extremely wide in its topics: from regulations of market functioning to illicit intercourses. The section "Arrest and flight" is devoted to capture criminal runaways and flights from authorized places of living and service.

The section "Judgment and prison" regulated life of imprisoned persons and investigation procedures.

Appendix to the volume includes a selection of the most important articles, written and published by V. Rybakov during the long time of translating of the Code and devoted to various aspects of the T'ang criminal law.

© В. М. Рыбаков, 2008

© «Петербургское Востоковедение», 2008

Зарегистрированная торговая марка

ORIENTALIA Зарегистрированная
торговая марка

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел десятый. Разнородные уголовные установления (<i>цза лой</i>)	9
Цзюань 26	9
389. Незаконное присвоение, подлежащее наказанию	9
390. Музицирование в [дни] государственного траура	11
391. Частное изготовление монеты	12
392. Езда на повозке или коне по городским улицам и переулкам	13
393. Стрельба из лука в направлении городских либо крепостных стен и общественных либо частных построек	16
394. Установка ловчих самострелов и устройство волчьих ям	18
395. Составление врачом лекарств несоответственно способу	20
396. Болезни тяглых, мастеровых и бойцов пограничной стражи.	22
397. Растрочение взятых на хранение вещей.	24
398. Нарушение договора невозвращением взятого в долг	26
399. Насильственное изъятие домашних животных у взявшего в долг	27
400. Использование лично свободных в качестве рабов или рабынь в обеспечение долга	28
401. Ошибочное признание лично свободного человека за [своих] раба или рабыню	29
402. Заклад имущества при азартных играх и развлечениях	31
403. Дома, постройки, экипажи, одеяния, утварь и вещи.	34
404. Захват переулков, улиц или межевых троп	36
405. Завладение выгодами гор, пустошей, берегов или озер.	37
406. Нарушения [режима] ночи.	36
407. Смерть во время похода или сопровождения.	39
408. Взятие лишнего теми, кому полагалось получить сменный тран- спорт	42
409. Вход на почтовые станции тех, кому не полагалось туда входить . .	44
410. Развратные сношения наказываются 1,5 годами каторги.	46
411. Развратные сношения с [кем-либо из] родичей близости <i>сыма</i> или женой [кого-либо из таковых]	49
412. Развратные сношения с двоюродными бабками и тетками по муж- ской линии	51
413. Развратные сношения с наложницами отца или деда по мужской линии	52
414. Развратные сношения рабов с лично свободными людьми.	53
415. Развратные сношения по обоюдному согласию, когда для женщины не предусмотрено определенного наказания	55
416. Развратные сношения полномочных и заведующих чиновников в сфере их административной ответственности	57
417. Выверка мерок <i>ху</i> , <i>доу</i> , весов и измерителей длины.	58
418. Ненадежные и негодные орудия обихода и ткани	59
419. Чиновники рынков, устанавливающие цены на вещи.	61
420. Частное изготовление мерок <i>ху</i> , <i>доу</i> , весов и измерителей длины .	62
421. Продавцы и покупатели, которые, не достигая взаимного согласия, единовластно распоряжаются [на рынке] и препятствуют [другим]. .	64
422. Заключение договоров о покупке рабов, рабынь, быков или коней .	66
Цзюань 27	68
423. Паника на рынках или там, где много людей.	68

424. Упустить время починки водозащитных сооружений.	69
425. Воровское повреждение водозащитных сооружений	72
426. Одежда и провиант тех, кому положено плыть на казенных судах	74
427. Конопатить суда не по правилам	77
428. Заронить огонь на территории Императорских усыпальниц	80
429. В хранилищах, сокровищницах и амбарах нельзя зажигать огонь	81
430. Несвоевременное выжигание полей	81
431. Заронить огонь в казенных административном здании, амбаре или хранилище	84
432. Поджог казенных административных зданий и частных жилых и хозяйственных построек	86
433. Увидевший возгорание не донес о нем и не приступил к тушению.	88
434. При ущербе от воды и огня взыскивается возмещение	89
435. Порча вещей, на которых пребывают духи	90
436. Повреждение алтарей для Больших жертвоприношений	92
437. Выбрасывание или порча верительных бирок и печатей	93
438. Выбрасывание или порча Указов или официальных письменных документов	94
439. Вскрытие запечатанных печатями официальных письменных документов частным порядком.	96
440. Потеря описи казенных вещей	97
441. Поедание дынь и плодов с казенных или частных полей и садов	99
442. Выбрасывание или порча утвари, вещей или злаков	101
443. Порча чужих надгробных стел и каменных [изваяний в виде] животных	102
444. Задержка полученного военного снаряжения.	103
445. Выбрасывание или порча казенных или частных утвари или вещей	106
446. Отыскание потерянных верительных бирок и печатей	107
447. Обнаружение давно спрятанных вещей	110
448. Обнаружение потерянных вещей	111
449. Нарушение общеобязательных установлений	112
450. Неположенные действия	113
Раздел одиннадцатый. Задержания и побеги (<i>бу ван</i>)	115
Цюань 28	115
451. Военнослужащие и гражданские чиновники, которые преследуют и задерживают преступников	115
452. Преступники, оказавшие сопротивление с оружием в руках.	121
453. Законы задержания тех, кто совершил избисне, вовлечение в развратные сношения или хищение	123
454. Задержание преступников людьми, находящимися в дороге	126
455. Разглашение своего дела тем, кто [должен был] задержать преступника	127
456. Соседи и односельчане, которых ограбили	130
457. Побег из вышедшей в усмирительный поход армии	131
458. Бойцы пограничной стражи на пути к месту службы	134
459. Побег осужденных на ссылку или каторгу до окончания срока работ	135
460. Побег гвардейцев	137
461. Побег рекрутированных на общественные работы мужчин или разнообразных мастеровых	138

462. Бродяжничество в других местах	142
463. Побег <i>гуаньху</i> , казенных рабов и рабынь	143
464. Беспрчинный побег занимающих должности	145
465. Побег с оказанием сопротивления арестантов, взятых под стражу	145
466. Заведующие чиновники, не обнаружившие пропажи арестантов	147
467. Позволять задерживаться [у себя] беглецам из других пределов	150
468. Зная об обстоятельствах, укрывать преступника.	153
Раздел двенадцатый. Судопроизводство и тюремное содержание (<i>дуань юй</i>)	160
Цзюань 29	160
469. Невзятие под стражу арестантов, которых полагалось взять под стражу	161
470. Передача арестантам металлических колющих или режущих [орудий для] высвобождения.	164
471. Завершение разбора дел арестантов, совершивших наказуемые смертью преступления	168
472. Заведующие чиновники, наставлявшие переиначивать и искажать [показания].	170
473. Предоставление арестантам одежды, питания, врача и лекарств	172
474. Те, кому полагаются обсуждение по одной из Восьми причин, подача прошения или уменьшение наказания, а также старые или малые	174
475. Арестанты, выставляющие людей преступными сотоварищами	178
476. Допрос арестанта для проверки основательности показаний	179
477. Пытка арестанта не может проводиться более чем трижды	181
478. Непризнание вины арестантом после осуществления пытки вплоть до ее ограничения	185
479. Оставление ведущим следственное дело чиновником арестанта [под стражей] в ожидании очной ставки	188
480. Следственное дело ведется на основе обстоятельств, изложенных в доносе	189
481. Оставление на месте и пересылка арестованных сообщников для общего определения наказания	190
482. Приведение в исполнение наказаний битьем не в соответствии с законом	192 •
Цзюань 30	194
483. Избиение людей полномочными чиновниками посредством тяжелых палок.	194
484. При вынесении приговоров к наказаниям приводятся уголовные и общеобязательные установления	197
485. Несообщение наверх о том, о чем полагалось сообщить	198
486. Вынесение приговора Указом или Высочайшим распоряжением	200
487. Выведение людей из-под наказания или подведение их под наказания ответственными чиновниками	200
488. Вынесение несоответствующих приговоров к наказаниям перед отменой приговоров	208
489. Преднамеренное совершение преступлений теми, кто прознал о милостивой отмене приговоров	214
490. Согласие с приговором по завершении судебного дела.	215
491. Отпуск тех, кто был конфискован в казну по общесемейной ответственности	216

492. Промедления в пересылке на каторгу или в ссылку	218
493. Внесение возмещения, откупа, а также конфискованных и передаваемых вещей	219
494. Совершение беременными женщинами наказуемых смертью преступлений	220
495. Пытка или наказание [битьем] беременных женщин	221
496. С начала весны смертные казни в исполнение не приводятся	223
497. Наказания арестантов, совершивших наказуемые смертью преступления, приводятся в исполнение после ответа на доклад о повторном рассмотрении.	227
498. Вынесение приговоров к наказанию взиманием откупа [вместо] битья или отправки	228
499. Обезглавливание, когда при вынесении приговора к наказанию полагалось удавление	231
500. Те, кто управляет каторжанами-арестантами, когда им полагается работать, но они не работают	232
501. Попустительство побегу арестанта, совершившего наказуемое смертью преступление	233
502. Сомнительные преступления	235
Иероглифический указатель терминов и формулировок	239
Приложение 1	244
Сводный словарь основных административно-правовых терминов	244
Обратный сводный словарь основных административно-правовых терминов	261
Приложение 2	279
Избранные статьи	279
Наказание правонарушений в сфере контроля над сельским хозяйством в период Тан	279
Прикрепление к социальной функции в танском законодательстве древнего Китая	296
Некоторые аспекты личной неприкосновенности в период Тан.	324
I. Общие замечания.	324
II. Ситуационные градации	326
III. Субординативные градации	331
IV. Специфические способы покушений	339
V. Посмертная неприкосновенность	348
Преломление морали в праве: механизм «сянжуньинь»	354
1. Человек — государству	354
2. Искушение стандартом	359
3. Без иерархии регламента не сваришь	364
4. Ну, теперь слушайтесь	367
5. А государство тут как тут	371
6. Доносите этично	376
7. Права наши тяжкие.	383
8. Лови отца своего	385
9. Лови за отца своего	389
10. Человек — человеку	391
Танские пенсионеры	397
Источники и литература	407

ТАНСКИЕ ПЕНСИОНЕРЫ

(Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XIX. СПб, 1999)

Одной из существеннейших характеристик состояния общества является господствующее в нем отношение к старости и старикам. Дело тут даже не в идеальных материях типа уважения и благодарности за сделанное в прошлом или сострадания к тем, у кого все или почти все уже позади. Дело в различиях мироощущения человека — а уж это мироощущение и воздействует затем так или иначе на мораль. Выкинут меня на свалку, как только я начну слегка сдавать, или наоборот? От того, каким на протяжении активного периода жизни человек себя ощущает — именно ощущает, глядя вокруг и убеждаясь в верности или ложности своего ощущения, зависит в его поведении и в его отношении к окружающим очень многое.

Разное отношение к старости является одним из главных различий восточных и западных обществ. Наблюдаемое ссыпалства сравнительно равнодушное, ироничное, а подчас и откровенно наплевательское отношение к тем, кто стал немощным, обусловливает взрывную активность тех, кто на активность еще способен. Как говорил один из персонажей незабвенного «Щита и меча», «Молодость — это всего лишь средство обеспечить себе старость». Правда, он был фашист и эсэсовец, но все мы, как дойдет до дела, в той или иной степени фашисты и эсэсовцы, увы. Отсюда — тенденция к риску, к «пан или пропал», к отчаянной самостоятельности, к воплям «никто в этой жизни ничего никому не должен» и в конечном счете — к стремительному темпу развития цивилизации; но зато и к приоритету бездушной эффективности, к невероятным по сравнению с традиционными обществами количествам насилия над теми, кто не способен оказать сопротивления, и к почти повальному разочарованию в жизни на рубеже взросления, когда человек убеждается, что он вот-вот — в масштабах жизни буквально вот-вот! — окажется выжатым, как лимон, и вышвырнутым на помойку; отсюда, во всяком случае — отчасти отсюда, вал самоубийств на рубеже между отрочеством и юностью, расцветы молодежных контркультур... И с другой стороны — спокойное взросление, питаемое уверенностью в том, что убывание сил и способностей, если не разразится какой-либо совсем жуткой катастрофы, почти обязательно будет постепенно компенсироваться нарастанием уважительности, бережности в отношении со стороны окружающих, главным образом близких, своих, в кого по мере разумения были вложены молодость и все ее силы. И, как следствие, консерватизм цивилизации и ее стабильность, ее способность усваивать новшества хоть и ограниченно, но органично, без судорожных шараханий и катастроф.

Все развитые общества современности пытаются в меру своих возможностей и представлений о достойной жизни как-то позаботиться о тех, чей жизненный путь подходит к концу, кто уже сделал все, что мог в сей юдоли скорби и теперь просто дотягивает свое биологическое существование до неизбежного финала. Зная цену тем, кто еще пребывает в активной жизненной фазе и кому поэтому все время некогда, все время не до скучных обязанностей, выполнение которых не сулит ни славы, ни зарплатков, ни удовольствий, общество в лице государства берет значительную часть этих обязанностей на себя. Да, по совести-то сказать, государству и самому выгоднее, чтобы эти активные тратили свое время и силы в более, так сказать, престижных сферах деятельности: в бизнесе, обогащающем государство, в армии, защищающей государство, в науках или искусствах, прославляющих и усиливающих государство, и так далее. Вы мне пеките пирог, говорит государство, а я уж само уделю из него ломтик или крошечку вашим родителям, которые нынче ни на что не годны и фактически не нужны ни вам, ни мне.

Так было не везде и не всегда.

К периоду Тан Китай давно миновал сравнительно короткий, но полный драматических событий период своей истории, когда государство пыталось стать для всех своих подданных земным Богом, и карающим и благодетельствующим. Оно прикладывало в ту пору значительные усилия для того, чтобы разорвать естественно скрепляющие людей связи традиционной морали, в частности, раздробить семью — и оставить каждого один на один с собой, со своими карами и благодеяниями. На эту попытку китайская государственность была спровоцирована кратковременным торжеством ортодоксального легизма при династии Цинь (III в. до н. э.), когда изрядная доля законодательной инициативы государства была расщарена на создание законов, принуждавших всех печь пироги исключительно в пользу имперского центра, а значительную часть естественных обязанностей людей по отношению друг к другу объявлявших уголовно наказуемыми преступлениями. Начавшее развиваться на протяжении последующей Ханьской династии (III в. до н. э.—III в. н. э.) насквозь морализированное, так называемое конфуцианализированное, право — по многим параметрам прямой антипод права легионского — уделяло серьезнейшее внимание укреплению основанных на традиционной морали межчеловеческих связей, и прежде всего — связей внутрисемейных. Цементирования семьи так или иначе касалось множество законов, впрямую никаким боком не относившихся к этому вопросу. И уж конечно, заботы о старших поколениях такое право не могло не расписать доскональнейшим образом. Но, поскольку забота подобного рода есть один из важнейших факторов сохранения благого морального климата в семье, государство не только практически не могло в ту пору делать все само — оно и с высот теории не желало брать на себя радение о стариках. Оно могло лишь создавать благоприятные условия — так, как они понимались в ту пору с точки зрения господствовавших воззрений, — для того, чтобы этим могли с

полной отдачей, надлежащим образом заниматься те, кому это положено было по их моральному долгу.

Заботиться об укреплении семьи государство может различными способами. Можно, например, все запрещать и от души раздавать направо и налево кары той или иной степени тяжести. Можно запретить разводы, аборты и все такое прочее, а потом с садистским удовлетворением поглядывать, как люди стараются проюлить по изогнутому невероятной спиралью лезвию бритвы между житейскими необходимостями и предусмотренными за них уголовными наказаниями. Понятно, какие последствия для морали может влечь такое юление.

Можно, с другой стороны, объявлять уголовно наказуемым то, что мешает членам семьи поступать так, как они считают нужным, и делать друг для друга то, что они считают необходимым. Например, отдавать под суд чиновников, под теми или иными предлогами мешающих родителям прописывать к себе детей или детям к себе — своих родителей, будет куда благотворнее для семейных устоев, чем все погони за беглыми мужьями, отчаявшимися добиться развода.

Танское государство в своем стремлении обезопасить существование стариков и скрасить им жизнь отдало дань обоим этим подходам.

Однако оно не забыло и обезопасить их, прежде всего от самого себя. Как и подобает цивилизованному государству, право которого старается карать не столько за преступное деяние само по себе, сколько за преступную волю, оно законодательно ввело несколько групп инвалидности, с каждой из которых была связана своя мера недееспособности, и несколько возрастных градаций, за каждой из которых также была закреплена определенная мера признаваемой государством безответственности за свои поступки, даже при условии, что они кому-то нанесли вред.

Танский кодекс «Тан луй шу и» оперирует тремя группами инвалидности:

дуцзи — помешанные, слепые на оба глаза, лишенные двух конечностей;

фэйцзи — слабоумные, глухонемые, горбатые, лишенные одной конечности, карлики;

цаньцзи — кривые на один глаз, глухие на оба уха, не имеющие двух пальцев на руке или трех на ноге, имеющие зоб, больные стригущим лишаем или хроническими гнойниками (см.: [Ниида Нобору, 1964, с. 228; Кычанов, 1986, с. 76].

Градации возрастной недееспособности начинались с 70 лет (а у женщин в определенных ситуациях и с 60), и их также было три⁷⁴, с 70 до 80, с 80 до 90 и с 90 и далее.

Правовая недееспособность престарелых и инвалидов — в Кодексе они называются *лао цзи* — «старыми или больными» — устанавливалась

⁷⁴ Три градации возрастной недееспособности предусматривались и для малолетних, однако сейчас мы говорим не о них.

статьей 30 «Тан луй шу и». Согласно ей, лица от 70 лет и старше либо принадлежащие к категориям инвалидности *фэйцзи* и *дуцзи* при совершении ими преступлений, наказуемых ссылкой или более легкими наказаниями, имели возможность⁷⁵ откупа от наказания. Помимо этих лиц, вне-ситуационная, всегда находящаяся при них возможность откупа предоставлялась только привилегированным слоям общества: чиновничеству и аристократии. Те, кому было 80 или больше, а также находящиеся в состоянии *дуцзи*, вдобавок к преимущественному положению, в котором находилась предыдущая группа недееспособных, на случай совершения ими более тяжелых преступлений, наказуемых уже не ссылкой или ниже, а смертной казнью, имели возможность подавать прошения на Высочайшее имя с объяснением обстоятельств произшедшего и просьбой о смягчении наказания. Тех, кому было более 90, вообще запрещалось привлекать к уголовной ответственности за исключением совершенно особых случаев. Если указанные лица совершали преступления по чьему-либо наущению, они пользовались всеми положенными им по их возрасту или состоянию преимуществами, в то время как подстрекатель наказывался за это же преступление так, как если бы он совершил его сам.

Как и подобает всякому уважающему себя тоталитарно-правовому государству, империя Тан отдала в своей юриспруденции дань и тем законам, суть которых формулируется известной формулой «тащить и не пуштать». Разумеется, для каждой культуры объекты подобного «непуштания» зачастую бывают весьма специфичны — но именно в силу этого особенно интересны и особенно много говорят о культуре в целом.

Против, скажем, разводов прагматичные и знающие человеческую природу китайцы не возражали. Более того, они весьма тщательно разработали процессуальную методику подобных житейских явлений. Но были и у них свои страхилица, своя сугубая аморалка, с которой они пытались бороться прямыми запрещениями; насколько успешна была эта борьба — судить нам отсюда, конечно, невероятно трудно. Причем, поскольку чиновник в ту пору был в Китае фигурой почти сакральной, именно от чиновничества требовался в первую очередь безупречный моральный облик — что-то это нам напоминает, правда? Поэтому главным образом именно на чиновчество ложилось бремя соблюдения моральных правил

⁷⁵ Я намеренно избегаю обычного в таких случаях и в нашей, и в западной литературе оборота «имеет право». Причины этой осторожности заслуживают отдельного разговора. Более или менее подробно я писал об этом, например, в статье «Мораль и право: день чудесный» («Звезда». 1997. № 4). Но уже одно то, что словами «имеет право» постоянно приходится переводить иероглиф *хэ*, который буквально тут же приходится переводить словами «должен» или «подлежит» — например, «подлежит отправке в ссылку», — должно было насторожить современных интерпретаторов танских законов. Слова «иметь право» волокут за собою слишком тяжелый шлейф ассоциаций, стоит их произнести — и перед нами предстает совершенно определенный тип цивилизации, к которому танский Китай, по-моему, не принадлежал.

поведения как обязательных для исполнения норм, нарушение которых рассматривалось поступком не просто некрасивым и подлежащим моральному осуждению, но поступком уголовным, подлежащим осуждению по суду. Интересно, что именно возможность отправлять свои служебные обязанности увязывалась с моральностью — или аморальностью — в первую очередь. Первейшим наказанием за аморалку, совершенную государственным служащим, было не битье палками и не денежный штраф, а именно временное лишение его должности с получением другой после, скажем, годового или даже трехгодового перерыва, с большим или меньшим понижением в ранге.

Например, согласно статье 19 кодекса «Тан лой шу и», своих должностей лишились⁷⁶ те, кто отваживался музицировать или заключать брак в то время, когда их дед или бабка по мужской линии, или отец, или мать, совершив наказуемое смертью преступление, находились в тюрьме. Согласно статье 20, должности, занимаемой в данный момент, лишились, например, те, кто в период двадцатисемимесячного траура по ком-либо из родителей брал наложницу или рождал ребенка. В последнем случае, правда, преступление прощалось, если подсчет сроков беременности показывал, что зачатие произошло до кончины прямого предка. С другой стороны, если рождение происходило после окончания срока траура, но тот же нехитрый расчет показывал, что зачатие произошло до снятия траурных одежд, виновный все-таки слетал со своего поста. Так недвусмысленно право оберегало авторитет старшего поколения — безо всякой для этого поколения материальной, pragmatической пользы.

Однако и возможностей реально позаботиться о стариках танское право не упускало. Но, как мы уже отмечали выше, государство никоим образом не собиралось брать пенсионные заботы на себя, деморализуя и разворачая таким образом молодежь. Взамен этого оно постаралось с максимально возможной тщательностью создать условия для того, чтобы надлежащее обслуживание старых и больных могли осуществлять те, кому это положено. Прежде всего это означало, что те, кому старики, ныне тихо угасающие дома, дали жизнь и возможность научиться полноценно зарабатывать на пропитание, ни при каких условиях не могли от этих стариков уйти или же быть от них оторваны. Так пенсионное обеспечение могло быть на самом деле, а не только по букве закона, предоставлено абсолютно всем нуждающимся.

Среди танских административных установлений лин, которые, в отличие от уголовных установлений лой⁷⁷, не запрещали некие действия на-

⁷⁶ Относительно должностных наказаний — разжалования (чумин), лишения должностей (мянь гуань) и лишения занимаемой должности (мянь соцзой гуань), см., например: Рыбаков, 1982, № 3.

⁷⁷ Именно из этих установлений, собственно, и состоит уголовный кодекс «Тан лой шу и».

ложением фиксированных мер наказания за их совершение, но, напротив, предписывали некие обязательные для всех действия — а уже в уголовных установлениях предусматривались наказания за несоблюдение административных установлений — так вот, среди танских административных установлений было и такое:

Всякому, кто [достиг возраста] 80 лет или [находится в состоянии] дуци, предоставляется для ухода 1 человек. [Кто достиг возраста] 90 лет — 2 человека. [Кто достиг возраста] 100 лет — 5 человек. Всегда в первую очередь для этого используются сыновья и внуки. Разрешается привлекать ближайших родственников. Всегда в первую очередь тех, кто [принадлежит] к категории малоимущих (*чин сэ*)⁷⁸. Если недостает ближайших родственников, привлекаются лично свободные совершеннолетние тяглы (бай дин). Также разрешается привлекать из [состава] семьи юношей, не достигших совершеннолетия (чжуннань)⁷⁹.

С другой стороны, в статье 348 кодекса «Тан луй шу и» говорится:

Всякий сын или внук по мужской линии, скучно содержащий отца [или деда] по мужской линии, наказывается 2 годами каторги. ... Если положение семьи позволяет содержать, но преднамеренно содержит скучно — наказывается 2 годами каторги. ... Всегда требуется, чтобы отец или дед по мужской линии донес [об этом властям, только тогда виновный] привлекается к ответственности.

Это были основополагающие принципы. Дальнейший и совершенно не шуточный гуманизм государство проявляло тем, что предусматривало даже для экстремальных ситуаций юридические операции, позволявшие не разрывать установленную связь. Старику или инвалиду государство гарантировало пенсионное обеспечение тем, что практически гарантировало ему присутствие тех, кто будет его содержать.

Уже знакомая нам статья 30 дополняет картину.

⁷⁸ Откровенно сказать, у меня нет уверенности, что я понял этот термин — *чин сэ* (букв.: «легкий цвет») правильно. О термине *сэ* написано довольно много, в частности и мною (см.: Рыбаков. 1984). Применимость термина «категория», которым до сих пор, как правило, переводится *сэ*, крайне широка — от категорий рабов или категорий чиновников до категорий, скажем, подавших доклады императору в прошлом месяце. Что же значит в данном случае *чин*, не очень понятно. Возрастные категории обозначались в Кодексе совершенно иными и строго определенными терминами. То же можно сказать и о категориях родства. А тут некая категория «неуважаемых». Нигде не найдя никаких подсказок, я остановился пока на переводе «малоимущие».

⁷⁹ (См.: Нишида Нобору, 1964, с. 231). В следующем лине (с. 232) уточняется, что совершенолетними, которых следует привлекать для ухода за старыми и больными, считаются мужчины в возрасте от 21 до 59 лет. Возрастная категория *чжуннань* начиналась с 18 лет.

Всякий, ...кто, когда дед или бабка по мужской линии, отец или мать [относятся к] старым или больным и некому за ними ухаживать, занял должность, оставив родственников... лишается занимаемой должности.

Однако подлинных высот самоотречения, а вернее — государственной прозорливости, что на таких уровнях суть одно и то же, империя достигала тогда, когда ее правоведы безо всяких опасливых мыслей разрабатывали и включали в свод законов статьи, согласно которым, наказание реально совершившего реальный противозаконный акт преступника, если оно могло оставить какого-то там старого или больного без родственной поддержки, могло быть отложено, сокращено или вовсе отменено.

Статьи 26 и 27 подробнейшим образом описывают, как и при каких обстоятельствах это происходило и в каком правовом состоянии пребывали оставленные при пенсионерах преступники.

Ну, во-первых, льготы пенсионерам не действовали в случае совершения их нерадивым потомком какого-либо из Десяти зол — то есть преступлений, входивших в список наиболее опасных, непрощаемых деяний, таких как антигосударственные преступления или вопиющие нарушения внутрисемейной морали.

Но, с другой стороны, если совершалось просто какое-либо преступление, наказуемое смертью и преступник был единственным в семье близким совершеннолетним родственником старого или больного, приговор ему не мог быть вынесен регулярным образом. По его поводу на Высочайшее имя подавалось прошение — словно преступник был чиновником или аристократом высокого ранга. В прошении излагались обстоятельства преступления и причина, по которой обыкновенная судебная процедура не задействована. Теоретически император лично решал судьбу такой семьи, вникнув во все подробности происшедшего.

А если в аналогичной ситуации совершалось преступление, наказуемое не смертью, а всего лишь ссылкой или еще легче, даже если оно входило в Десять зол, преступник временно оставлялся при своем старом или больном родственнике, чтобы по-прежнему выполнять свой родственный долг. Единственным исключением было наказание так называемой ссылкой, применяемой при провозглашении отмены приговоров (*хуй шэ ю лю*), которой наказывали после провозглашения амнистии тех, кто был виновен в изготовлении или хранении особо опасных ядов, убийстве кого-либо из старших родственников или умысле первого или второго из Десяти зол — Измены или Великой строптивости. Если бы не амнистия, наказанием за перечисленные преступления была бы смертная казнь. В любой из этих ситуаций процедура была стандартной, ординарной, и прошения на Высочайшее имя не подавалось. Просто Палата наказаний строго по закону принимала соответствующее решение.

Разумеется, оставленные дома преступники могли еще довольно долго обслуживать своих старых или больных предков, да продлятся, естественно, их дни. Провозглашение же амнистий разного рода, отменявших

приговоры, сокращавших их на определенное количество степеней или просто предусматривавших пересмотры тех или иных дел, было во времена процветания Тан, судя по всему, довольно частым событием. Понятно, что на период оставления дома преступники были изъяты из-под действия всех амнистий, иначе вероятность их попадания под какую-либо из них оказалась бы чрезвычайно высока. Однако стоило им отработать свое и временное оставление дома по тем или иным причинам подходило к концу, как они, в полном соответствии с логикой и моралью, возвращались под нормальную юрисдикцию, и следовательно, любая вновь объявленная амнистия, если их преступление вообще подходило под нее, освобождала их от наказания — того самого, которого они ждали столь долго.

Парадоксальная ситуация возникала в случае провозглашения амнистии с теми, кто был повинен в совершении преступления, наказуемого не ссылкой или даже легче, а именно смертью, но кому Высочайшим эдиктом было разрешено остаться дома и ухаживать за старым или больным родственником. В этой ситуации амнистия действовала — и преступник начисто мог быть освобожден от наказания! Алогичность введенного в законы предписания почувствовали тогда сами же правотворцы и сочли необходимым специально разъяснить это положение с применением особого приема, довольно часто используемого в Кодексе для толкования чрезвычайно сложных либо чрезвычайно частных ситуаций — путем формулирования вопроса и дачи ответа на него. Система «вопрос—ответ» — это четвертый и последний уровень углубления правового текста в ситуацию; наиболее общие принципы ее решения излагаются текстом статьи, который и есть, собственно говоря, уголовное установление *люй*, затем следует (или не следует) более или менее краткое разъяснение *шу*, а затем обязательно подробное, хотя именно в силу своей подробности зачастую лишь затрудняющее понимание текста статьи разъяснение *и*. И наконец, в конце некоторых разъяснений задается уточняющий какую-либо тонкость вопрос и на него дается ответ.

В данной ситуации оправдать нарушение правовой арифметики оказалось на удивление легко — стоило только откровенно ввести в дело алгебру имперского сознания. Действительно, существует ведь куда более высокая логика, чем та, согласно которой преступление, наказуемое смертью, всегда является более тяжелым, нежели преступление, наказуемое ссылкой. Ведь над оставленным дома по решению императора преступником, хотя он и совершил наказуемое смертью преступление, навсегда замерзал ореол благоприятного для него решения, уже вынесенного императором по его делу, — иначе он не остался бы ни дома, ни вообще в живых, и коллизии совсем не возникло бы. Поэтому любой правовой предлог для дальнейшего облегчения его участи был хорош. Тот же, кого оставили дома просто-напросто по закону, ничем не выделен из массы таких же, как он, заурядных законопослушных преступников — и потому амнистии не для него.

Буквально в Кодексе сказано:

При совершении преступления, наказуемого ссылкой, для ухода за родственниками [преступника] должно [оставлять] дома в соответствии с уголовным установлением. [В отношении оставленного] дома необходимо [действовать] по обычным уголовным нормам. Тот, о ком был эдикт с не-пререкаемым решением, уже удостоен особой милости. Как можно человека, [получившего] милостивое разрешение, сравнивать с категорией (сэ) тех, о ком решения выносят суды? В этом разница, а не в тяжести или легкости [преступления].

Оставление дома по закону могло быть прекращено в двух ситуациях — после смерти родственника, за которым ухаживал оставленный преступник, и после того, как в семье подрос другой совершеннолетний тяжелый близкий родственник старого или больного. И в той и в другой ситуации отложенное наказание приводилось в исполнение в течение года (траур-то надо дома отбыть, как полагается!), причем с момента начала приведения наказания в исполнение, как уже упоминалось, амнистии на преступника уже снова действовали, как если бы он только что совершил преступление.

При совершении в аналогичных ситуациях преступлений, наказуемых каторгой, поступали еще проще. Тут даже не требовалось обременять судебные органы откладыванием наказания и вероятными амнистиями. Когда кто-либо совершал наказуемое каторгой преступление, являясь единственным в семье совершеннолетним тяжелым, его также оставляли дома, просто-напросто заменив каторжные работы так называемым «восполняющим» (цзя) наказанием битьем тяжелыми палками. Определенному сроку работ соответствовало свое определенное количество ударов, возраставшее в зависимости от увеличения полагающегося срока со вполне человеколюбивой медлительностью. Правда, нижний предел был задан довольно-таки суровый — 120 ударов, то есть на 20 ударов больше, чем полагалось при самом тяжелом из наказаний битьем. В обычных ситуациях именно после 100 ударов тяжелыми палками следующим по тяжести наказанием являлся минимальный, годовой, срок каторжных работ.

Здесь, правда, уже не говорится о старых или больных. Вне зависимости от их наличия в семье единственный для этой семьи совершеннолетний тяжелый, если он совершал наказуемое каторгой преступление, после восполняющего наказания оставлялся дома. Но зато именно здесь, как никогда внятно, сказано о причине государственного гуманизма — и без того, впрочем, вполне понятной:

Когда в семье нет других совершеннолетних тяжелых, [преступник] избавляется от наказания каторгой и получает восполняющее наказание тяжелыми палками. [Это делается] из сострадания к тому, что источники существования семьи могут пресечься, и из опасения, что семья будет бедствовать.

Каторжными работами наказывались по танским законам преступления относительно легкие, не демонстрирующие наличие изощренной и упорной преступной воли. Однако льгота, предоставляемая единственным совершеннолетним тяглым в семье, переставала действовать, если эта преступная воля все-таки проявляла себя — не тяжестью преступления, так его характером. Скажем, и за случайный поджог, и за нанесение соседу нечаянной травмы, и за халатность по службе можно было получить такой же срок работ, как, скажем, за то, что поднял руку на человека, или за то, что посягнул на чужое имущество. Так вот если преступление было связано с сознательным насилием над человеком или с присвоением чужого — даже единственный тяглый в семье обязан был реально отправиться на каторгу.

Однако и тут интересы пенсионеров перевешивали! В конце статьи разъяснение специально оговаривает:

Если родственники стари или больны и [за ними] должно ухаживать — имеется в виду, что дед или бабка по мужской линии, отец или мать находятся в возрасте 80 лет или старше либо в состоянии *дуцзи*, и [за ними] должно ухаживать, а в семье нет других совершеннолетних. Хотя бы было совершено хищение или нанесение человеку телесного повреждения, тем не менее [преступники] проходят по предшествующему закону о восполняющих наказаниях тяжелыми палками.

Необходимость до последней возможности сохранять младших родственников при их старых и больных старших рассматривалась государством как один из краеугольных камней системы наказаний. Тут сходились воедино и морализирующая функция права, его стремление к укреплению семейных связей, которые государство давно научилось использовать, продлевая их во внешний, социальный мир, и вполне прагматичное желание не доводить податные семьи до разорения и разрушения даже в тех ситуациях, когда члены этих семей демонстрировали недостаток законоисполнения. И идеологическая и материальная предпосылки очевидны. И все же чисто по-человечески достойна самого серьезного уважения борьба средневекового, казалось бы, общества за то, чтобы люди, уже не способные приносить этому обществу ни малейшей пользы, не оказывались выброшенными за рамки достойной человека жизни. Борьба, которая и теперь, спустя тринацать веков, по-прежнему продолжается с переменным успехом.

серия

©RIENTALIA

УГОЛОВНЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ТАН
С РАЗЪЯСНЕНИЯМИ
(ТАН ЛЮЙ ШУ И)
ЦЗЮАНИ 26—30

Перевод с китайского
и комментарий
В. М. Рыбакова

научное издание

*Утверждено к печати Санкт-Петербургским филиалом
Института востоковедения Российской Академии наук*

ISBN 5-85803-315-6

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

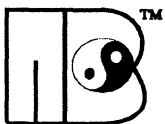
Набор — В. М. Рыбаков
Редактор и корректор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова

Издательство
«Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

ЛР № 065555 от 05.12.1997
Подписано в печать 19.01.2008. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Объем 26 печ. л.
Заказ № 3252

Отпечатано в России

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

**Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

Образовано в 1992 году

В 2003 году внесено

в «Золотую книгу предприятий Санкт-Петербурга»

Почтовый адрес: 198152, г. Санкт-Петербург, а/я 111

Телефон, факс: (812) 315-22-77

E-mail: pvcntre@mail.ru. Web-site: <http://www.pvost.org>

Специализация издательства: прежде всего — *научная и научно-популярная литература по востоковедению* (в тесном сотрудничестве с Санкт-Петербургским филиалом Института востоковедения РАН, Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета, а также Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН), затем — издание трудов петербургских ученых-гуманитариев, преимущественно в области *традиционной культуры*; издание *переводов* важнейших культурных памятников стран Востока.

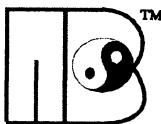
Награды издательства: в 1996 году за издание первого русского перевода Корана (в переводе генерала Д. Н. Богуславского) «Петербургское Востоковедение» получило специальный диплом Петербургского книжного салона.

Национальная Ассоциация книгоиздателей регулярно отмечает лауреатскими дипломами оригинальные книжные проекты издательства в ежегодном конкурсе «Лучшие книги года». Книги издательства неоднократно награждались дипломами Санкт-Петербургского государственного университета как лучшие университетские книги года.

Издательство — дважды лауреат дипломов ЮНЕСКО за лучшее издание, вносящее значительный вклад в диалог культур (2002, 2004).

В 2002 году лучшей книгой традиционного конкурса национальной Ассоциации книгоиздателей России была признана книга Е. А. Резвана «Коран и его мир», которая впоследствии стала лауреатом национальной премии Исламской Республики Иран «Книга года» за 2003 год.

Издательство — лауреат конкурса «Книга года-2005» в номинации «Humanitas», а также первый лауреат конкурса «Искусство книги», проводимого Содружеством независимых государств (дипломы за книгу Е. А. Резвана «Коран Усмана»).

**Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

**«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers»
founded in 1992**

in 2003 was included into
«The Golden Book of Saint-Petersburg Enterprises»
Address: POBox 111, St. Petersburg, Russia, 198152
Phone, fax: 007-812-315-22-77
E-mail: pvcentre@mail.ru Web-site: www.pvost.org

The Publishing House specializes mainly on publications of the *scientific* and *popular science* literature on the Oriental studies (in close collaboration with the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies RAS, Oriental faculty of the St. Petersburg State University and Museum of Anthropology and Ethnography Kunstkamera RAS), as well as publications of St. Petersburg scholars-humanitarians in the field of the traditional culture and translations of important cultural monuments of the East.

Awards of the Publishing House: in 1996 it received a special diploma of the Saint-Petersburg Book Saloon for publication of the first Russian translation of the Quran (by General D. N. Boguslavsky).

The National Association of book-publishers regularly awards the Publishing House with the diplomas for original book projects at the annual competitions «The Best Book of the Year». The books of the Publishing House has been awarded several times with the diplomas of the St. Petersburg State University for the best University books of the year.

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» was twice the UNESCO prize-winner for the best publication of the great value for the dialogue between cultures (in 2002 and 2004).

In 2002 the book by Ye. A. Rezvan «Koran and Its World» was announced the best book at the traditional competition of the National Association of book-publishers of Russia. Later the book was awarded the national prize of the Islamic Republic of Iran as «The Book of the Year in 2003».

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» is a prize-winner of «The Book of the Year – 2005» in the field of «Humanities» and the first laureate in the competition «Art of Book» organized by the Union of Independent States (for the book by Ye. A. Rezvan «Quran of 'Uthman»).